

УДК 82

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ В.Е. МАКСИМОВА «СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ». В.Е. МАКСИМОВ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

М.М. Глазкова

ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент д-р филол. наук, профессор И.М. Попова

Ключевые слова и фразы: идеалы христианства; духовные стремления; душа; идея; очищение; соблазн.

Аннотация: Рассмотрены особенности мировидения В.Е. Максимова и взаимосвязь его прозы с творчеством Ф.М. Достоевского. Писатели двух разных эпох ставят глубочайшие проблемы земного бытия, смысла жизни человека, его нравственного выбора, атеистического своеволия, разума и совести, веры и неверия.

Идеалы христианства являются той составляющей художественного мировидения Владимира Максимова, без которой духовная природа его творчества не может быть осмыслена во всей полноте. Возникновение религиозной концепции в прозе Максимова порождено напряженным духовным стремлением осмыслить итоги грандиозных экспериментов, проводившихся в стране на протяжении семидесятилетней великой и трагической советской эпохи. Отсюда и тот нравственно-философский потенциал, заключенный в романах Владимира Максимова, чей личный трагический опыт позволил не только запечатлеть ужас жестокости и произвола тоталитарного режима, но и затронуть вечные проблемы человеческого существования. Естественно, что в своих творческих исканиях Владимир Максимов не мог не учесть художественно-философский опыт Ф.М. Достоевского, чьи «идеи, психологические и метафизические, суть идеи в глубочайшем смысле религиозные, то есть такие, которые как принять, так и отвергнуть можно только с точки зрения “сердца человеческого, лежащего в руке Божией”» [2].

Глазкова М.М. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры «Русская филология», glazkova_marina@zmail.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

В «Семи днях творения» Владимир Максимов поставил глубочайшие проблемы земного бытия, смысла жизни человека, его нравственного выбора, возможностей, разума и совести, веры и неверия. В своих размышлениях о человеческой душе, о борьбе добра и зла в ней Максимов приходит к тем же выводам, к каким приходил его великий предшественник.

Отмечая симптомы духовного кризиса, переживаемого страной: «...измельчание духовного характера, утраты духовного измерения жизни, обмельчание и прозаизация человеческого бытия, торжество пошлости» [10], Владимир Максимов видел источник народных бед в отсутствии веры, в отречении от Бога, а исцеление, возрождение России – в приобщении к духовным религиозным ценностям.

Опыт отечественной художественно-философской мысли свидетельствует, что залогом духовного здоровья нации является наличие устремленности к высшим формам Бытия. По мнению Максимова, в противовес революции, внесшей в общество раскол, нужна иная «единая скрепляющая идея», ведущая к идеалу, без которого «ничего не будет, кроме еще пущей мерзости» [4].

В этом смысле отказ от идеалов означает отказ от признания духовной природы человека, от тех потребностей Духа, которые породили представление о Боге, достоинстве, свободе. Мысль о христианской природе души, о неминувости возвращения человека к своим природным корням лейтмотивом проходит через роман «Семь дней творения».

Герои романа, не вмещающие Богу, одиноки, не видят смысла жизни, не чувствуют себя частью единого целого, не ощущают связи с другими людьми. Достоевский о подобном пишет так: «Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только утешается» [4]. Достоевский замечает, что, лишаясь «единой скрепляющей идеи», общество не только впадает в состояние духовной прострации, но приходит к дикому плотскому разгулу, пьянству, бездуховности, нравственной деградации подвергаются семейные отношения.

Проблемы, характерные для эпохи Достоевского, остались актуальными и во времена жизни Владимира Максимова. Россия XX века унаследовала язвы и пороки России XIX столетия. Автор «Бесов» и «Братьев Карамазовых» в центр внимания ставит проблемы трагических последствий атеистического своеволия. Достоевский один из первых начал исследовать психологию «бесовского» типа, который появляется в России в середине XIX века. Бесовской тип – явление, представляющее «...следствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни» [5]. Шигалевские идеи призывают всякого гения потушить в младенчестве, все свести к одному знаменателю и полному равенству в близком стаде; им же излагается программа будущего переустройства общества, согласно которой одна категория людей получает свободу и безграничное право над остальными, должны потерять личность. А в основе грандиозного обмана Великого инквизитора – нарочитое смешение понятий о добре и зле, обольщение сытостью, поражающей людей пошлостью и ложью с целью погубить, отказ от свободы во имя сытости, веду-

щей к самоуничтожению и небытию. Однако, начиная с «Записок из подполья» и «Преступления и наказания», писатель открывает бесперспективность и саморазрушительность сатанинской вседозволенности.

Те же проблемы воплотились в романе Владимира Максимова «Семь дней творения», в котором живет целый художественный мир Ф.М. Достоевского: интерпретация образа «сладострастного насекомого», приложенного к советской семье, любви и браку; образ революции – Раскольников, убивший «старушку Россию», образ «святой проститутки» Симы «с личиком ангельским, отданной на заклятие» матерью и братьями; Смердяковы, разжигающие в толпе самые низменные страсти; бесовство, руководствующееся аморальными принципами, сводимыми к афористической триаде: «Цель оправдывает средства», «После меня хоть потоп», «Победителей не судят».

В системе размышлений автора безусловно необходимыми оказываются библейские символы, образные средства и философско-этические понятия, почерпнутые из Священного Писания. В сознание и кругозор персонажей также внедрены блоки христианско-библейской образности, играющие не орнаментальную, а сущностную роль. Поиски идеала воплощенного, художественно обозначенного и логика развития сюжета соприкасаются на уровне судьбы героя, мотивируя происходящие с ним перемены, определяя устойчивые и обнадеживающие признаки его возрождения к новой жизни.

Заглавие романа «Семь дней творения» – это библейская аллюзия, намек на необходимость второго, духовного рождения, которое «творит» сам человек. Символична цифра семь на сотворение мира и человека. Во-первых, число семь является символом святости, здоровья и разума. Оно называется «истинно святым числом», как соединение числа три – божественного совершенства и четыре – мирового порядка; следовательно, оно является символом союза Бога с человеком, или общения между Богом и Его творением.

Во-вторых, «Семь дней творения» – по сути у Владимира Максимова развернутая метафора неизбежного людского прозрения, с которого только и начинается творение человека. Она внушена Священным Писанием, Книгой Бытия, отсюда сам духовный сюжет повестей – звеньев, сложивших большой роман, рассказывающих о жизни одного из Лашковых.

Югославский исследователь М. Бабович писал: «Герой Достоевского живет не хлебом единым, не для карьеры, даже и не для семьи. Он почти всегда человек идеи и чувствует себя обязанным определить свою позицию по отношению к вечным проблемам жизни. Герой Достоевского – это человек, выведенный на орбиту вечности. На этой высоте он неминуемо должен столкнуться с онтологическими, философскими, этическими проблемами ... Он определяет границы своей воли и своей свободы, ищет смысла жизни, чтобы жить» [6].

Учитывая опыт Достоевского, Максимов решает проблему личности в русской религиозно-философской традиции. Таковы его Петр и Андрей Лашковы, Лев Храмов, Антонина, Крепс, Гупак, Бобошко.

Наблюдается и иной уровень этой проблематики. В Раскольникове Достоевского, а также Петре и Андрее Лашковых из «Семи дней творения»

ния» Максимова нет однозначности. Раскольников способен любить близких, сострадать, помогать, но, с другой стороны, по мере того, как зреет желание утвердить свое «я» и заодно облагодетельствовать все человечество, альтруистические мотивы отступают на задний план. Максимовские Петр и Андрей Лашковы, обладая честностью, бескорыстностью, добротой, приносят много несчастья людям, являясь винтиками бесчеловечной системы, представляющей собой сбывшиеся пророчества Великого инквизитора, настоящую карамазовщину, руководствующуюся бесовскими принципами. Писатели ставят глубокий философский вопрос: можно ли ради всеобщего счастья пожертвовать жизнью хотя бы одного человека? Максимов в унисон Достоевскому утверждает неоспоримую ценность человеческой жизни, высказывает протест против принудительной гармонии и насильственной рационализации счастья человека.

Владимир Максимов стремится осмыслить метафизическую природу зла, что сближает его с одной из основных художественно-философских традиций русской классики XIX века, которая наиболее отчетливо проявилась у Достоевского. Автор «Семи дней творения», принимая мысль Достоевского: «Тут Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [7], – прибегает к аллюзии на легенду из Ветхого Завета о грехопадении Адама и Евы. Бог дал человеку свободу выбора, а человек пожинает плоды своего безумия. Человек впал в соблазн – зло стало определять поведение людей, их судьбы, наполняя души тьмой.

Зло, разлитое в событиях, наполнивших пространство романа, – имеет источник вполне определенный. Этот источник ощущается тем же Лашковым как некая страшная, неосязаемая и таинственная, но явная сила, действующая среди людей и несущая им погибель. «...Он ощутил в окружающем его мире присутствие какой-то темной и непреодолимой силы, которая, наподобие ваты, беззвучно и вязко гасила собою всякое ей сопротивление. Сознание своей полной беспомощности перед этой силой было для Петра Васильевича нестерпимей всего» [1].

Петр Лашков освобождается от некой губительной силы, совершив путь к себе, открыв иллюзорность своих стремлений, ощутив, что жизнь вне Бога пуста, что всю жизнь он шел от людей, а не к ним. Д. Браун писал: «Петр прожил свою жизнь как лояльный советский рабочий, преданный делу, несмотря на растущие сомнения; он был суров и строг по отношению к себе и своим детям, которые ушли от него. Всю свою жизнь он не испытывал особого тепла к окружающим, но приход к вере совершил в нем перемену, дав чувство, что можно «начать сначала» [8].

Эпизод с фальшивым окороком наглядно символичен – соблазнившись крашеным картоном, Петр Васильевич выбрал свою судьбу. Фальшивое было принято за настоящее. Когда юный Петька под обстрелом устремляется к разбитой витрине, он рискует собой. Точно так же взрослый Петр Лашков в погоне за осуществлением утопии не щадит прежде всего себя. «Путешествие к себе» началось с возвращения к событию, символически обозначившему весь жизненный путь героя как историю прельщения социальным соблазном.

Максимов видит в народе смешение света и тьмы, что созвучно мысли Достоевского, который, несомненно, был хорошо знаком со святооте-

ческими источниками, каждый человек ежедневно умирает и воскресает, каждый безнравственный поступок наполняет сердце чувством смерти, а всякое стремление к добру наполняет сердце славой новой жизни. Отпавшие в «тьму мира сего» нарушают главную заповедь православной этики – пуще всего береги сердце: «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни» [9]. Достоевский верит, что в глубине сердца каждого человека сохраняется возможность соприкосновения с Богом.

Также у Максимова – прекрасные, талантливые, добрые и отзывчивые, безответно терпеливые... – немало этих людей наполнило пространство романа, но и тьмы в них понаместано тоже достаточно. Именно существованием тьмы (а источник ее понятен) объясняет писатель невозможность, заведомую неудачу всех самых благих намерений.

Пафос романа Владимира Максимова – в стремлении восстановить в своих правах утраченное различие между добром и злом. Лишь при этом условии человек может преодолеть царящий вовне и внутри его беспорядок, искоренить почитающий за норму жизни разврат, возвратиться к тем незамутненным понятиям о совести, Боге, добре, которые в течение веков помогали противостоять бесовским соблазнам. Человек должен возвратиться к исконным духовным устоям, которые предопределяли христианские отношения к работе, к дому, к ближнему. Связь Максимова с идеями Достоевского еще и в соотнесенности душевной драмы героя с жизнью народа, в его взыскательном отношении не только к миру, но и к самому себе.

Максимову близка концепция Достоевского, согласно которой единственно возможный способ изменения мира к лучшему начинается с очищения своей души. Процесс духовного очищения невозможен вне раскаяния, вне ощущения своей ответственности: каждый должен принять на себя вину за все злодеяния, – поучал у Достоевского старец Зосима. В романе Владимира Максимова «Семь дней творения» через внутренние размышления многих проходит сознание какого-то тяжкого греха, за который приходится расплачиваться всем. О расплате за грехи говорят Сима Цыганкова, Петр Лашков («Тебе жить надо, Вадя. За нас все исправлять»), Вадим Лашков («... за что мне все это, за какие такие грехи?!»), Федор Мороз («...за что-то мы платимся, Вадя. За тяжкий какой-то грех»).

Авторская мысль развивается, идя по определенным вехам: соблазн (грех) – раскаяние – искупление (страдания), которые раскрываются как традиционно христианские. Идея страдания выражает веру в преодоление греховности, гордыни, эгоизма, веру в благотворность подчинения личного интереса соборному началу и тесно связана с идеей покаяния, добровольного, никем не принуждаемого.

Гуманизм творчества Достоевского, основанный на стремлении найти человека в человеке, на вере в возможность совершенствования, немислимого вне психологических катаклизмов и мучительных душевных переживаний, характерен для Максимова.

В процессе духовно-нравственного становления личности совершенство есть ориентир, одухотворяющий земную жизнь. И.А. Ильин в связи с этим замечал: «Полнота совершенства доступна единому Господу, но воля

к совершенству, но требование «самого лучшего» от самого себя ... есть то самое драгоценное Евангельское солнце, которое было оставлено нам Сыном Божиим и от лучей которого человеческая совесть обновилась и стала христианской совестью» [3].

Сложность проблемы личности у Достоевского и Максимова в том и заключается, что расцвет личности невозможен вне преодоления атеистического своеволия, гордыни, вне достижения духовного совершенства и преклонения перед народной и Божьей правдой. Антиподы «своевольников» – «смиренники» князь Мышкин, Соня Мармеладова, Алеша Карамазов у Достоевского и Гупак, Бобошко, отец Георгий, Крепс у Максимова, наделенные благодатной силой сочувствия, стараются изо всех сил помочь страдающим и обиженным, выполняя завет Всевышнего.

Мир, представленный в разных своих ипостасях и отраженный в сознании персонажей, приобретает смысловую и ценностную определенность, благодаря действию обобщающей авторской мысли, синтезирующей материал сознания героев в определенное единство.

Владимир Максимов революционной концепции пересотворения мира противопоставляет идею преображения мира по законам Слова Божия. Именно в религии писатель видел ту нравственную силу, которая способна внести в общественную жизнь гармонию и мир. В романе христианская идея художественно воплощается и интерпретируется как единственная спасительная опора в мире. В идейно-тематическом, проблемном аспектах, в плане создания образов Владимир Максимов следует идеям Достоевского – художника, наделенного непревзойденной способностью сострадания к униженным и оскорбленным, и мыслителя, исследовавшего причины трагической судьбы человека в мире бездуховности, цинизма и жестокости.

Список литературы

1. Максимов, В.Е. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2 / Владимир Максимов. – М. : Терра, 1991. – 512 с.
2. Никитин, В.А. Достоевский: Православие и «русская идея» / В.А. Никитин // Социол. исслед. – 1990. – № 3. – С. 125–129.
3. Ильин, И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 9 / И.А. Ильин. – М. : Рус. книга, 1999. – 506 с.
4. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 13 / Ф.М. Достоевский. – Л. : Наука, 1989. – 640 с.
5. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя / Ф.М. Достоевский. – М. : Современник, 1989. – 557 с.
6. Бабович, М. Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского / М. Бабович // Достоевский: материалы и исследования / гл. ред. В.Г. Базанов ; ред. Г.М. Фридлендер. – Л., 1974. – Т. 1. – С. 100–108.
7. Звозников, А.А. Достоевский и православие / А.А. Звозников // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. : сб. науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск, 1994. – С. 179–191.
8. Brown, D.B. Soviet Russian Literature Since Stalin / D.B. Brown. – Cambridge : Cambridge University Press, 1978. – 394 p.

9. Библия. – М. : Рос. Библейское о-во, 2007. – 1326 с.
10. Максимов, В.Е. Из России я не уехал : беседа с писателем В.Е. Максимовым / записал А.В. Самохвалов // Рос. газ. – 1991. – 8 июня. – С. 7.
-

Evangelical Motives in V.E. Maximov's Novel «Seven Days of Creation». V.E. Maximov and F.M. Dostoevsky

M.M. Glazkova

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: an idea; the ideals of Christianity; purification; soul; spiritual aspirations; temptation.

Abstract: The paper considers peculiarities of V.E. Maximov's worldview and the interaction of his prose with the works of F.M. Dostoevsky. The writers of the two different eras set up serious problems of this life, the meaning of human life, the moral choice, atheistic self-will, mind and conscience, faith and misfaith.

© М.М. Глазкова, 2010